-4-

РАЗГОВОРЪ СЪ ПУСТЫННИКОМЪ

ВЪ ХИЖИНѢ И

О

ПЕРСІЯНАХЪ, ВОДВОРИВШИХСЯ ВЪ АСТРАХАНИ

СОЧИНЕНІЕ

Путешествовавшаго по Россіи съ 1824 по 1835 годъ

АНДРЕЯ ПАВЛОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ІОГАНСОНА

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Дерптъ, Мая 10-го, 1842 года

Цензоръ Михаилъ Розбергъ.

Среди безплодныхъ степей, около заливовъ рѣки Волги, которые между высокихъ бугровъ протекаютъ, въ иныхъ мѣстахъ на 30, а въ другихъ и на 80 верстъ, учреждена Журуковская почтовая станція, въ 75 верстахъ отъ Астрахани отстоящая. Усталый мой конь заставилъ меня пробыть въ этомъ мѣстѣ сутки. Надобно было откормить его не подножнымъ кормомъ, но Русскимъ, сытнымъ, которой бы возстановилъ силы и укрѣпилъ здоровье. Не смотря на дорогой овесъ, я не щадилъ себя для любезнаго моего товарища, чистосердечно радовался постоянному его характеру и восхищался своенравными, милыми и любезными привычками. Онъ никогда не подпускалъ къ себѣ посторонняго человѣка, не обольщался подносимымъ ему кормомъ и не заставлялъ меня предпринимать строгія мѣры осторожности для сбереженія его. Ни похититель, желающій воспользоваться имъ, ни добросердечный человѣкъ утолить голодъ или жажду не пріобрѣталъ его расположенія. Онъ былъ для всѣхъ, исключая меня, дикъ и неприступенъ. При каждомъ взглядѣ на него возраждалася у меня счастливая мысль: «какимъ бы наслаждались смертные благополучіемъ, — когда бы запечатлѣли въсердцахъ своихъ другъ къ другу равную привязанность; но къ песча-

стію, жребій рода человѣческаго столь разнообразенъ, что по смѣси характера его представляетъ онъ изъ себя жалкую, смѣшную, а иногда и постыдную картину заблужденія.

Убѣдясь въ справедливомъ умозаключеніи, разрушающимъ связи родства и дружбы, я желалъ разсѣять мрачныя свои мысли прогулкою по высокому кургану, вблизи почтовой станціи находившемуся. Услужливый смотритель былъ моимъ путеводителемъ. Мы пошли на него медленными шагами. Взошедши на высокое мѣсто, съ котораго виденъ заливъ, вытекающій изъ Волги верстъ на 70-тъ, я полюбовался пестротою тихошумящихъ волнъ и колебаніемъ камыша, издающаго томные отголоски натуральной мелодіи. Блескъ солнечныхъ лучей придавалъ ему разноцвѣтную игривость. Прельстясь поэтическою картиною, воспламеняющею воображеніе, я въ этомъ восхитительномъ состояніи невольнымъ образомъ забылъ, гдѣ я? и кто возлѣ меня? Вдругъ звонъ колокольчика прервалъ мои очарованія, оборотившись назадъ, увидѣлъ я четвероместную коляску, смотритель стремглавъ побѣжалъ въ почтовую станцію прописать подорожную проѣзжающихъ, а меня оставилъ въ пріятномъ расположеніи духа обозрѣть дикія мѣста, отказавшія дѣятельности человѣческой украсить ихъ искусственною прелестію.

Выбѣжавшая съ другой стороны залива подъ парусомъ лодка привлекла мое вниманіе. Я думалъ, что это рыбаки, но по мѣрѣ приближенія ея увидѣлъ въ ней нѣсколько калмыковъ съ семействами своими, направившихъ путь свой перебраться на правую сторону бугра. Въ саженяхъ во сто отъ меня пристали

опи къ берегу, перенесли свои имущества и не болѣе, какъ въ 5-ть минутъ раскинули кибитки; вслѣдъ за ними показался маленькій челнокъ, съ двумя человѣками, которые поперегъ залива выметали сѣть и въ минуту скрылись отъ любопытнаго моего взора въ густой камышъ; я желалъ было подойти къ нимъ, распросить ихъ, какую они ловятъ рыбу, изъ какого приплыли мѣста, но всѣ мои старанія были тщетны; сошедши внизъ, потерялъ изъ виду то мѣсто, къ которому они пристали, долго блуждалъ по берегу и не могъ видѣть двухъ существъ, очаровавшихъ мое зрѣніе; любопытство мое удвоилось, я взошелъ опять на бугоръ, и къ удивленію моему увидѣлъ ихъ на другой сторонѣ рукава, вытекающаго изъ того залива. Одинъ изъ нихъ, перебирая сѣть, вынималъ изъ нея желточешуйчатыхъ карасей, другой подгребалъ на веслахъ и предоставлялъ ему возможность свободно вытаскивать свою ловушку. Не прошло 10-ти минутъ рыбакъ сѣлъ въ корму, а весельщикъ поставивъ по срединѣ лодки толстой шестъ, раскинулъ парусъ и подавъ ему веревочныя правила сѣлъ въ носъ. Четверть часа смотрѣлъ я на нихъ жаднымъ взоромъ, и, въ это короткое время при увеличившемся западномъ вѣтрѣ лодка ихъ показалась порхающею на подобіе бабочки. Такъ изсчезъ изъ виду предметъ, занимавшій меня, и такъ быстро летитъ время на крыльяхъ и изсчезаетъ подъ разрушительною косою Сатурна.

Долго стоялъ я въ задумчивости, какъ будто отъ потери милаго сердцу предмета, то желалъ возвратиться на станцію, то думалъ перейти бугоръ и прогулкою успокоить волненіе души, лишенной надежды довлетворить любопытство; — въ эти минуты нерѣ-

шительность приковала меня къ одному мѣсту и не давала мнѣ покоя до того времени, пока чувства восприяли новую силу и бодрость пробудилась въ усыпленной моей душѣ. Мало по малу переступилъ я нѣсколько шаговъ, потомъ удвоилъ ихъ, а наконецъ усилилъ до такой степени, что въ нѣсколько минутъ перебѣжалъ вдоль берега до полверсты. Съ вершины его, увидѣлъ я въ правой сторонѣ другой заливъ, возлѣ котораго въ густомъ камышѣ показавшійся дымъ, обнаружилъ мнѣ вершины кибитокъ; полагая, что это калмыцкій улусъ, прикочевавшій съ границъ земли донскихъ казаковъ, я оставилъ его безъ вниманія, сошелъ на берегъ и пошелъ вдоль бугра, возлѣ камыша, что бы свободнѣе вытти на высокой курганъ, окруженный двумя буграми.

Непонятное чувство влекло меня къ нему, и если бы въ эту минуту кто нибудь спросилъ меня, куда ты идешъ, и за чѣмъ? право я не могъ бы дать никому вѣрнаго отчета. Бываютъ въ жизни минуты, въ которыя человѣкъ, при порывахъ души стремится къ неизвѣстному ему предмету, къ неизвѣстной цѣли, о которой онъ не понимаетъ — не воображаетъ и даже не чувствуетъ; и когда встрѣтимъ что нибудь новое, занимательное, странное или удивительное приписываемъ это случаю или судьбѣ.

Предоставляя философамъ раскрывать порывы душевныя и выводить умозаключенія о вѣрномъ направленіи ихъ къ постоянной мѣтѣ, я обращаюсь къ настоящему моему положенію, и слѣдуя внушенію чувствъ, стремлюсь побывать на курганѣ, которой гордо возвышаясь надъ двумя буграми, какъ будто вла-

стелитъ защищаетъ ихъ своимъ могуществомъ отъ грозныхъ бурь.

Но чѣмъ скорѣе желалъ я дойти, тѣмъ болѣе непримѣтно видимый предметъ отдалялся отъ меня; я не могъ постигнуть причины — увеличивалъ шаги — быстро перескакивалъ чрезъ маленькіе рвы, наскоро бѣжалъ внизъ — и напослѣдокъ не чувствуя усталости дошелъ до подошвы возвышеннаго и не приступнаго по крутизнѣ своей мѣста; перескочилъ ручеекъ и вышелъ на битую тропинку; — пройдя по ней не болѣе минуты, примѣтилъ я слѣдъ — свѣжій, показывающій въ недавнемъ времени перешедшаго человѣка. Вѣроятно, подумалъ я, есть здѣсь какое нибудь жилье, и потому болѣе, что живши съ калмыками, я никогда не видалъ на ихъ степи такихъ торныхъ дорожекъ; — но разсуждать было нѣкогда — надобно узнать до какого мѣста она проложена — и чей это слѣдъ? Не оставляя изъ виду ни одного шага, дохожу я по той тропинѣ до горнаго утеса, подъ которымъ въ углубленіи показался мнѣ сходъ въ низкое мѣсто; иду по немъ и вижу маленькую дверь, обросщую сверху и по бокамъ мхомъ; на ней не было ни замка ни петли; я дотрогиваюсь до нее, — думаю отворить, и нахожу ее запертою; потомъ начинаю стучать и не прошло четверть минуты, дверь отворилась, и я при входѣ въ темное жилище не вижу никого — и не знаю, кто впустилъ меня; — можно вообразить мое смущеніе — безпокойство и неизвѣстность; я хочу переступить съ мѣста, но темнота препятствуетъ мнѣ сдѣлать вѣрное направленіе и погрузила меня въ мрачное безмолвіе. Вотъ камень преткновенія. Одно мгновеніе перемѣняетъ наши мысли,

чувства и намѣренія, оборачиваюсь, щупаю дверь и не нахожу ее. Вдругъ показался свѣтъ и ко мнѣ подходитъ въ крестьянской одеждѣ сѣдой старикъ и сурово спрашиваетъ меня: Кого тебѣ надобно? откуда ты? — Извини, любезный старикъ, что я нарушилъ твое спокойствіе, сказалъ я ему въ отвѣтъ: я путешественникъ, ѣду изъ Калмыцкой орды въ Астрахань, а остановился на станціи, что бы откормить свою лошадь.

Старикъ. Путешественникъ? милости просимъ; я радъ дорогому гостю. Благодарю васъ, что вы посѣтили мою хижину.

Я. *И безъ всякаго намѣренія;* я прогуливался по этому бугру; высокой курганъ привлекъ мое вниманіе — случайно напалъ на тропину, увидѣлъ слѣдъ и зашелъ къ вамъ. —

Старикъ. И хорошее сдѣлали дѣло. Я живу здѣсь 20 лѣтъ; ни одинъ человѣкъ еще не переступалъ за порогъ мой и ни одного смертнаго не слыхалъ я здѣсь голоса.

Я. Какъ! 20 лѣтъ!

Старикъ. Точно, 20 лѣтъ.

Я. Что же васъ побудило жить въ такомъ уединеніи?

Старикъ. Недоброжелательство людей. Оно преслѣдовало меня до старости моей и заставило избрать это мѣсто, — мѣсто вѣчнаго моего покоя.

Я. Извините, мое любопытство, вы были женаты, или и до сихъ поръ...

Старикъ. Былъ женатъ, и женщина причиною всего моего несчастія...

Я. Женщина! это удивительно! кажется этотъ ми-

лый и нѣжный полъ приноситъ намъ болѣе въ жизни удовольствія, нежели вреда.

Старикъ. Послѣдній всегда ближе къ намъ.

Я. Такъ по видимому невѣрность...

Старикъ. Нѣтъ, сударь, нѣтъ, болѣе этого, коварство.

Я. Коварство! Боже мой! до какой степени унижаютъ себя эти творенія. —

Старикъ. Низкой, прибавьте, и даже постыдной.—

Я. Я думаю, воспоминаніе это наводитъ вамъ болѣе непріятностей.

Старикъ. Не всегда. Было время, когда я роптала на судьбу, но нынѣ нахожу утѣшеніе въ однихъ теплыхъ молитвахъ къ Богу и безпредѣльной къ нему довѣренности.

Я. И истребили изъ сердца горести, нарушающія вамъ покой?

Старикъ. Почти такъ.

Я. И довольны вашимъ состояніемъ.

Старикъ. Болѣе, нежели нужно. Благодаря Бога, я здоровъ, силы мои позволяютъ мнѣ работать, пищу имѣю вкусную.

Я. Но удалясь отъ свѣтской жизни лишены пріязни, дружества, удовольствій? —

Старикъ. Все это одинъ призракъ... мечта... повѣрьте мнѣ, что пріязнь и дружба, о которыхъ вы говорите на устахъ людей, а удовольствія обольстительны для легкомысленныхъ, непонимающихъ настоящей цѣли нашего назначенія.

Я. Но эти основательныя познанія, безъ всякаго сомнѣнія, пріобрѣли вы чрезъ ваши бѣдствія?

Старикъ. Ваша правда. Когда я утопалъ въ рос-

коши, нѣгѣ, сладострастіи, тогда — ахъ, тогда я былъ слѣпецъ; — не могъ обсудить предмета, ни вникнуть въ причины его; все казалось мнѣ возможнымъ, я восхищался лестію, почиталъ пронырство, одобрялъ хитрость, обманъ; называлъ эти свойства рѣдкими, приписывалъ ихъ къ чести ума, отличныхъ дарованій, и въ этомъ заблужденіи отъ непомѣрнаго высокомѣрія, гордился счастіемъ своимъ, которое теперь считаю истиннымъ несчастіемъ.

Я. Но если при такомъ пристрастіи, вы сами не были орудіемъ несчастія ближнихъ, то для чего вамъ сомнѣваться. . .

Старикъ. Въ отвѣтственности предъ Богомъ! о! нѣтъ, сударь, я долженъ ежечасно объ этомъ помышлять; легковѣріе мое, безъ сомнѣнія, навлекло многимъ величайшія бѣдствія.

Я. Быть можетъ. Но не бывъ свидѣтелемъ вашихъ поступковъ, не льзя судить объ нихъ основательно.

Старикъ. Натурально. Вамъ надобно знать исторію моей жизни.

Я. Если вы почтете меня своею довѣренностію...

Старикъ. Съ большимъ удовольствіемъ, не поскучайте только; я вамъ перескажу ее съ начала моего дѣтства.

(*Молчаніе.*)

Въ ту минуту, обернулся онъ отъ меня въ уголъ, сталъ на колѣни и началъ молиться Богу; я догадался, что онъ хочетъ призвать въ помощь Его, излить предъ нимъ свои чувства и облегчить страждущее сердце отъ горести.

Въ землянкѣ его не было ни пола, ни печки, ни стульевъ; маленькая скамеечка и столикъ, замѣняли мебель; въ другомъ углу на короткихъ подставкахъ настланныя три доски, на которыхъ лежалъ мѣлкій камышъ, а въ изголовьѣ цѣлый пучекъ, служили ему вмѣсто мягкой постели; въ сѣнцахъ стояло ведро съ водою и разная посуда, для варки кушанья.

При взглядѣ на эти вещи, онѣ какъ будто упрекали утопающаго въ роскоши человѣка, и говорили ему: »тебѣ не предстоитъ надобности обладать большими »имуществами истяжать тлѣнныя сокровища; посмо- »три на этого старца: — онъ доволенъ малымъ; »сытъ, веселъ и за это самое благоговѣетъ предъ про- »видѣніемъ болѣе, нежели жадный корыстолюбецъ, »ежедневно ропщущій на невыгоды свои и недо- »статки.«

Старикъ окончивъ молитвы, положилъ предъ образомъ три земные поклона, вздохнулъ, и оборотившись ко мнѣ сказалъ:

Какая тягость спадаетъ съ сердца моего, когда я исполняю долгъ христіанскій; — ты не повѣришь, дорогой гость, этому непонятному чувству, вселяющему въ насъ утѣшеніе къ будущимъ радостямъ. Оно придаетъ мнѣ животворную силу мысленно переселяться въ горніе предѣлы и презирать земныя наслажденія.

Я. Счастливъ тотъ, кто достигаетъ до этого блаженнаго состоянія!

Онъ взялъ записную книжку и началъ разсказывать мнѣ свои происшествія.

Я родился въ уѣздномъ городкѣ. Отецъ мой служилъ по выборамъ сперва Засѣдателемъ, а потомъ

Уѣзднымъ судьею; имѣнія онъ имѣлъ не болѣе 30 душъ. До 13-ти лѣтъ, выучился я дома порядочно читать и писать. Вскорѣ умерла моя мать и завѣщала при смерти своей душъ съ 200 моему отцу. Разбогатѣвши, отвезъ онъ меня на воспитаніе въ столицу и препоручилъ благоразумному наставнику, которому платилъ за воспитаніе и ученіе не малую сумму. Въ продолженіе 5-ти-лѣтняго курса, на отца моего были поданы извѣты въ лихоимствѣ; онъ долго находился подъ судомъ, оправдался предъ нимъ, но съ большею потерею имѣнія. Мнѣ неизвѣстно, участвовалъ ли онъ взведенныхъ на него преступленіяхъ, но вѣрно знаю, что мучительная неизвѣстность о рѣшеніи его участи была причиною скоропостижной его смерти. Тетка моя, съ отцовской стороны извѣстивъ меня о его кончинѣ, заставила меня возвратиться въ родину. Пять лѣтъ она была моею опекуншею; и когда меня ввели вовладѣніе оставшагося послѣ отца имѣнія и я желалъ поступить въ военную службу, а управленіе его препоручить ей, она употребила всѣ средства отклонить меня отъ моего намѣренія, и, противъ желанія опредѣливъ въ статскую службу, успѣла женить на дочери сосѣда, человѣка, пристрастившагося къ корысти, который ни очемъ болѣе не помышлялъ, какъ разнообразными средствами увеличить свое состояніе.

Тестю моему не нравилась безпристрастная моя и безкорыстная жизнь. Сначала не постигалъ я тому причины, но въ послѣдствіе времени узналъ, что главною пружиною тому была его дочь, а моя жена, которая по не помѣрной роскоши была не довольна предоставляемымъ мною ей на ея расходы содержа-

ніемъ. Совѣты отца ея подтвердили эту истину. — Онъ при каждомъ свиданіи убѣждалъ меня не упускать по службѣ изъ виду выгодъ и даже изыскивать средства увеличивать ихъ медлительнымъ рѣшеніемъ текущихъ дѣлъ, до того времени, пока они со стороны просителей не принесутъ мнѣ вящщей пользы. Но совѣсть не допускала меня нарушить данную предъ Богомъ и Государемъ присягу; чрезъ это сдѣлался я ненавистенъ женѣ и тестю. Первая оставила почти домъ и проводила время, то въ собраніяхъ, то на балахъ, а иногда въ театрѣ, а послѣдній платилъ мнѣ за мои визиты хладнокровіемъ и презрѣніемъ. Сдѣлавшись чуждымъ родственной пріязни и потерявъ чрезъ постоянство характера любовь жены, находилъ я утѣшеніе въ вѣрной моей обязанности; но это счастіе продолжалось не долго; знакомые ея повлекли меня къ свѣтскимъ удовольствіямъ. Въ дружескихъ бесѣдахъ, за бостонною игрою, вистомъ, началъ я. забывать свою должность, льстилъ случайнымъ, старался потворствовать ихъ дѣламъ, угнѣталъ справедливыхъ, лишалъ ихъ чрезъ неправосудіе чести — имѣнія, и, обогативъ себя для прихотей, роскошной и изнѣженной жизни, былъ нечувствителенъ къ раззорившимся отъ моего невниманія, короче сказать: беззащитный, слабый, угнѣтенный ненавистію ближняго находилъ во мнѣ не покровители, но корыстолюбца, употребившаго во зло власть, довѣренность, совѣсть и честь.

Я. И долго вы были въ этомъ заблужденіи? —

Старикъ. Болѣе 5-ти лѣтъ. Въ это время супруга моя завела тайныя связи съ богатыми и случай-

ными людьми, нарушила супружескіе обѣты и платила мнѣ за угожденія однимъ вѣроломствомъ.

Я. Развѣ вы не въ силахъ были удержать ее?

Старикъ. Отъ распутства, хотите вы сказать? чѣмъ болѣе старался я исправить ее нравственность, тѣмъ болѣе вооружилъ ее противъ себя, и она въ защиту мнимой своей невинности, сыскавъ покровителя направила его оклеветать меня предъ моимъ начальствомъ, и чрезъ это средство лишила меня довѣренности его, дружбы знакомыхъ и любви родныхъ.

Я. И вы, по видимому, не пожелали быть предметомъ презрѣнія?

Старикъ. Этого мало, насмѣшекъ, злословія, я долженъ былъ вытерпѣть всю кару мщенія преступной женщины, разсѣявшей ложные слухи о моемъ поведеніи. Она довела меня до того, что каждой человѣкъ сдѣлался мнѣ чуждымъ и при каждой встрѣчѣ бѣгалъ отъ меня, какъ отъ хищнаго звѣря.

Я. Кто же показалъ вамъ путь въ эти необитаемыя мѣста?

Старикъ. Познакомившійся со мною въ Астрахани рыбакъ. Онъ часто ловитъ рыбу въ этомъ заливѣ и отвозитъ ее для продажи въ городъ.

Я. И посѣщаетъ васъ?

Старикъ. Нѣтъ. Ему неизвѣстно мое жилище; я избралъ его самъ и устроилъ собственными руками.

Я. Все это хорошо; но откуда же достаете вы пропитаніе?

Старикъ. Я ѣзжу въ моей лодочкѣ два раза въ годъ, а иногда 3 въ городъ, продаю тамъ рыбу и запасаюсь продовольствіемъ.

Я. И уже ли ни когда не думаете возвратиться въ отечество? —

Старикъ. Въ отечество? Ахъ, сударь, при этомъ словѣ трепетъ невольно проникаетъ въ мое сердце. Кому оно не драгоцѣнно? Нѣтъ въ мірѣ человѣка, который бы не вспоминалъ о немъ, нѣтъ существа, которое бы чуждалось его. Въ немъ покоится прахъ моихъ родителей, прахъ предковъ; при старости лѣтъ, желалъ бы я пролить эту горячую слезу надъ ихъ могилою, и если можно, съ спокойнымъ духомъ умереть подлѣ ихъ. Но я не думаю, что бы съ отсутствіемъ моимъ людское злословіе утихло. — Ахъ! *Оно при первомъ моемъ появленіи поразитъ меня, какъ ядовитая стрѣла.*

Я. Предусмотрительность ваша похвальна, въ присутствіи вашемъ могутъ возникнуть пересуды; могутъ родиться сомнѣнія о вашей отлучкѣ, о вашемъ предпріятіи; быть можетъ его сочтутъ страннымъ, будутъ осмѣивать; это наведетъ вамъ новыя непріятности, и вы раскаетесь, что разстались съ уединенною своею жизнію. Все такъ; но позвольте мнѣ вамъ откровенно сказать: вы стары, годъ отъ году силы ваши ослабѣваютъ; придетъ время, что вы не въ состояніи будете трудиться; къ этой слабости, случайно можетъ обременить васъ тяжкая болѣзнь; скажите, кто подастъ вамъ руку помощи, когда не въ состояніи вы будете привстать съ своего мѣста? — Кто промочитъ засохшій вашъ языкъ отъ жажды? Кто подастъ вамъ пищу, что бъ утолить вашъ голодъ? Одна томительность, неразлучная собесѣдница вашего злополучія приготовитъ вамъ мучительную смерть; и тогда, когда дыханіе ваше прекратится,

трупъ вашъ останется безъ человѣческаго сострадапія; ни кто не подойдетъ къ нему, ни кто не взглянетъ съ сожалѣніемъ на охладѣвшія ваши члены; — въ это уединеніе, въ которое ни одинъ человѣкъ не прокладывалъ слѣда, можетъ быть, дикіе звѣри съ стремительностію нападутъ на нихъ и будутъ терзать ихъ по частямъ. Представьте эту картину въ умѣ своемъ, помыслите только, какой жестокости подвергаете вы себя произвольно, и изъ чего? Изъ того единственно, что тягостно показалось вамъ переносить обыкновенныя непріятности, которыя неизбѣжны между людьми; и если вы, посвятивъ себя пустынической жизни, думаете однимъ раскаяніемъ загладить ваши преступленія, предавъ себя въ жертву неизвѣстности, то и въ этомъ случаѣ не достигнете желаемой цѣли. Такъ, милостивый государь, я говорю вамъ сущую правду. Теплыя молитвы и чистосердечное раскаяніе угодны Богу тогда, когда заглаждаете вы преступленія свои добрыми дѣлами.

Старикъ. Но гдѣ я найду обиженныхъ, чтобы испросить у нихъ прощеніе, и въ состояніи ли вознаградить ихъ потерю, когда самъ бѣденъ.

Я. Это правда, найти ихъ трудно, а можетъ быть и не возможно; иные померли, другіе забыли прискорбія свои и положились во всемъ на власть Всевышняго; безъ сомнѣнія, есть изъ нихъ и такіе, которые сами не захотятъ принять потеряннаго; но вамъ предстоитъ много случаевъ вмѣсто ихъ оказать помощь другимъ. Перемѣните вы вашъ образъ жизни; изберите для себя близъ города хижину и соотвѣтственно силамъ трудитесь ежедневно. Малѣйшую часть заработка употребляйте на содержаніе самаго себя.

а большую удѣлите неимущимъ. Вамъ стоитъ только вникать въ справедливыя нужды людей и тысячу случаевъ откроется къ благотворенію. Мимо вашей хижины будетъ проходить воинъ, съ честію отслужившій Отечеству; тѣло его изнуренное отъ ранъ потребуетъ изцѣленія; примите его съ чистосердечнымъ расположеніемъ; дайте ему мѣсто для успокоенія истощенныхъ его силъ и облегчивъ болѣзни подкрѣпительными средствами откройте ему благонадежный путь дойти до своей отчизны. Послѣ долговременной разлуки престарѣлые его родители, жена, дѣти, обрадованные приходомъ незабвеннаго ихъ сердцу семьянина прольютъ благодарныя слезы предъ престоломъ Всевышняго и будутъ благословлять имя ваше за спасеніе его жизни и ту благотворительность, которая сблизила его съ ними. — Хотите ли вы возвысить благородное чувство любви къ ближнимъ? соединитесь съ людьми и будьте наблюдателемъ взаимныхъ сношеній; частныя происшествія откроютъ вамъ несогласія ихъ, вражды, злобу, ненависть. Остановитесь у входа судилища; изъ него выйдетъ недовольный рѣшеніемъ дѣла тяжущійся; вы разспросите о существѣ его, и онъ разскажетъ, что заставило его быть истцемъ; какъ искусно пронырствами своими несправедливый богачь, обольстивъ другихъ ложными доказательствами, умѣлъ лишить его послѣдняго состоянія; вотъ случай, живѣйшимъ участіемъ облегчить душевныя прискорбія бѣдняка, лишеннаго средствъ пропитать свое семейство, — идите съ нимъ въ укромную его хижину, утѣшьте плачущихъ его дѣтей вспоможеніемъ своимъ облегчите страдальцевъ отъ угнѣтающей ихъ бѣдности. Если хотите наслаждать

ся истинною радостію, посѣтите въ темницѣ заключенныхъ; вникните въ причины ихъ несчастія, и когда найдутся такіе, которые необходимостію вовлечены въ долги или пагубныя заблужденія, тогда окажите имъ, по мѣрѣ силъ своихъ свойственную добродѣтельному человѣку - услугу. Нѣтъ сомнѣнія, что стремленіе ваше къ благотворенію откроетъ вамъ жалкую участь вдовы, лишенной супруга; — ближніе отказываютъ ей въ малѣйшей помощи, прикрыть наготу мертваго тѣла или по обряду Христіанскому совершить должное погребеніе; — употребите на это послѣднее ваше имущество и отдавъ послѣдній долгъ собрату докажите усердіемъ своимъ вниманіе къ бреннымъ остаткамъ смертнаго, преселившагося въ вѣчность. Сдѣлавшись другомъ человѣчества, вы очистите душу свою отъ того мучительнаго состоянія, въ которое она приведена была отъ вашихъ слабостей; съ спокойствіемъ духа и чистою совѣстію, тщитесь умолить Всевидящаго, что бы онъ воззрѣвъ милосердымъ своимъ окомъ на поступки ваши даровалъ вамъ прощеніе. Вотъ средства достигнуть той цѣли, къ которой вы стремитесь.

Старикъ выслушавши спокойно дружескіе мои совѣты съ восхищеніемъ обнялъ меня, крѣпко прижалъ къ своему сердцу и горько заплакалъ. Съ минуту продолжались его рыданія. Успокоивъ волненіе души, встревоженной воспоминаніями прошедшаго, онъ закрылъ лице обѣими руками и въ глубокомъ безмолвіи испустивъ тяжкіе вздохи, сѣлъ съ помощію моею на скамью. Послѣ долговременнаго молчанія, открывъ глаза сказалъ мнѣ: такъ дорогой гость, хотя ваши поучительныя слова потрясли всю мою внутренность,

но я сердечно радуюсь, что Богъ послалъ мнѣ васъ; вы обнаружили мнѣ такія истины, какихъ я еще ни отъ кого не слыхалъ. Вѣрьте мнѣ, что я въ скоромъ времени оставлю мое безплодное уединеніе и послѣдовавъ вашимъ совѣтамъ, съ помощію Божіею буду оказывать помощь человѣчеству. О! какъ долго я лишалъ себя истиннаго удовольствія, какъ долго переходилъ изъ одного заблужденія въ другое, и не постигая причинъ скучной и утомительной жизни, искалъ спокойствія въ уединеніи, которое болѣе отяготило меня, нежели привело на истинный путь.

При этомъ словѣ, пожалъ я ему дружески руку, обѣщался отыскать его въ городѣ и быть другомъ, когда онъ посвятитъ остальныя дни жизни своей на благо людей. Вышедши изъ тѣснаго жилища на прохладный воздухъ, я освѣжилъ свои чувства и воспріявъ новую силу пошелъ по той же тропинѣ. Минутъ чрезъ 5-ть обернулся назадъ и увидѣлъ, что старецъ предъ хижиною своею сталъ на колѣни и приподнявъ руки на небо, умолялъ провидѣніе о ниспосланіи ему милостей своихъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ, посмотрѣлъ я на него въ послѣдній разъ — и вдругъ эхо тихо коснулось слуха моего; — прости, дорогой гость, доброй путь тебѣ, доброй путь! —

Въ знакъ прощанія, я скинулъ съ себя фуражку, махнулъ ею три раза и въ полчаса дошелъ до станціи. Обрадованный приходомъ моимъ смотритель распрашивалъ меня о моей прогулкѣ. Я скрылъ отъ него все происшедшее и засытнымъ обѣдомъ препровелъ съ нимъ время въ пріятныхъ разговорахъ. Вмѣсто отдохновенія сдѣлалъ свои замѣчанія о ста-

рикѣ и спустя съ часъ осѣдлавши коня, простился съ добродушнымъ смотрителемъ, которой провожалъ меня съ цѣлую версту. На пути своемъ, не встрѣтилъ я ничего особеннаго, благополучно доѣхалъ до Курочкинской почтовой станціи, гдѣ за отъѣздомъ смотрителя въ городъ переночевавъ въ ямщицкой избѣ, на другой день отправился къ Кошкошу; — здѣсь отдохнувъ не болѣе 3-хъ часовъ и разспросивъ о прямомъ пути вознамѣрился доѣхать до города. Въ 15-ти верстахъ показался мнѣ пятиглавый на возвышенномъ мѣстѣ соборъ. Сильно затрепетало сердце Русскаго, при видѣ на златосіяющіе кресты, и чѣмъ ближе подъѣзжалъ я къ волнующей отъ морскаго вѣтра величавой Волгѣ, тѣмъ болѣе нетерпѣніе мое увеличивалось видѣть ее вблизи, осмотрѣть окружающія мѣста и насладиться очаровательнымъ зрѣлищемъ разноцвѣтныхъ флаговъ, развѣвающихся во кругъ пристани, отъ стоящихъ въ ней корабляхъ. Эта натуральная игривость представилась взору моему во всемъ своемъ блескѣ при подъѣздѣ уже къ Архіерейской пристани, находящейся по правую сторону Волги.

Остановившись на русскомъ постояломъ дворѣ на другой день утромъ, вознамѣрился было я переправиться чрезъ рѣку въ городъ; но узнавши отъ хозяина, что въ предмѣстіи его нѣтъ ни гостинницы, ни заѣзднаго дома, въ которыхъ можно бы было найти готовой для лошади кормъ, расположился я, не смотря на предстоящіе ежедневно переѣзды чрезъ Волгу занять у него покойную для себя квартиру. Услужливость словоохотнаго семейства приводила меня въ такое восхищеніе, что я началъ между соот

чизами забывать трудныя свои путешествія и постепенно сближаться съ обыкновеніями того народа, съ которымъ не сообщался болѣе 5-ти лѣтъ. Въ 9-ть часовъ утра, вышелъ на берегъ и прельстившись красивымъ расположеніемъ мѣста съ полчася любовался корабельною пристанью, адмиральтействомъ морскими купеческими судами, окружающими городъ (*). — Желая видѣть вблизи очаровательные предметы, сѣлъ я въ легкую лодку и переправился на другую сторону. Двѣ версты переѣзда показались мнѣ при удалыхъ гребцахъ слишкомъ короткими.

Вступивъ на твердую землю и прошедши по песчаному мѣсту, *называемому косою,* оставилъ я въ лѣвой *рукѣ близъ* города *множество* деревянныхъ строеній, принадлежащихъ къ Гарянской части, и, поднявшись вверхъ, прошелъ чрезъ внутренность каменныхъ воротъ, видомъ похожихъ на древнюю башню; отъ которой на правой сторонѣ учреждена гоубвахта, а на лѣвой тюремный замокъ; къ восточной сторонѣ отъ нихъ представился мнѣ огромной величины каменный соборъ, съ пристроеннымъ къ нему по правую сторону Архіерейскимъ трехъ этажнымъ домомъ; съ чувствомъ истиннаго благоговѣнія, подошелъ я къ главнымъ воротамъ величественнаго храма, у которыхъ помолившись предъ Образомъ Спасителя вышелъ изъ крѣпостной ограды къ базару, а отъ него по прямой улицѣ, мимо гостиннаго ряда и ла-

---

(*) Онъ лежитъ на возвышенномъ мѣстѣ, во кругъ котораго и до сего времени уцѣлѣла въ иныхъ мѣстахъ каменная ограда, служившая защитою Астраханскимъ ханамъ отъ набѣговъ кочевыхъ и горскихъ народовъ.

вокъ, подъ каменными зданіями находящихся на пространную площадь; придерживаясь Маковскаго ряда, на правой рукѣ находящагося, а на искось въ лѣвой губернаторскаго дома, дошелъ я до персидскаго двора, не столь привлекательнаго расположеніемъ мѣста, по соединенію его съ прочими домами, сколь занимательнаго собраніемъ торгующихъ Азійскихъ народовъ. Въ этомъ мѣстѣ видно сборище почти цѣлаго Востока. Стоитъ только простоять два часа, то въ это короткое время представится вамъ, пришедшій для торговыхъ сношеній Индіецъ, Хивинецъ, Бухарецъ, за покупкою товаровъ Калмыкъ, Нагаецъ, Армянинъ, Грузинъ, Киргизецъ и жителя Урала. Ихъ окдидъ лица, взоръ, поступки и тѣлодвиженія столь разнообразны, что каждой наблюдатель для вѣрной скопировки долженъ разсматривать ихъ отдѣльно. Эта смѣшанная картина заставила меня прежде всего обратить вниманіе на Персіянъ.

Они живутъ въ большомъ каменномъ трехъ этажномъ домѣ, подъ которымъ находится въ длину около 50, а въ ширину до 80-ти саженъ земли. Это зданіе на улицу въ прямолинейномъ направленіи имѣетъ въ нижнемъ этажѣ до 30 большихъ лавокъ, отдаваемыхъ персіянами въ наемъ торгующихъ разными товарами Астраханскимъ армянамъ. Въ среднемъ и верхнемъ отдѣланы жилые покои для пріѣзжихъ гостей; а лицемъ на дворъ особыя комнаты занимаютъ сами Персіяне. На обширномъ ихъ дворѣ устроены вѣсы, а возлѣ ихъ складочныя для товаровъ мѣста.

Любопытство побудило меня посмотрѣть образъ жизни этого общества. Узнавши, что въ занимаемыхъ

дми компатахъ опи продаютъ и вывозимые изъ Персидскихъ провинцій товары, я подъ видомъ покупщика пошелъ прицѣнивать вещи, совершенно мнѣ ненужныя. При входѣ моемъ въ лавку на широкихъ нарахъ, занимаемыхъ половину комнаты и устланныхъ разноцвѣтными персидскими коврами, сидѣли два персіянина за кальяномъ. Дымъ отъ крѣпкаго табаку, наполнившій комнату, произвелъ во мнѣ такое удушье, что я съ трудомъ приступилъ къ разговору. Гордый, съ надменнымъ и величавымъ видомъ азіятъ, не перемѣняя положенія своего, при проницательности характера, въ одно мгновеніе догадался, что я ищу случая узнать цѣну товара, но не быть ихъ покупщикомъ. Сколько я ни старался скрыть тайну своего сердца, но при каждомъ спросѣ чувства мои мнѣ измѣняли. Что бы не обнаружить ихъ въ полной мѣрѣ, заблагоразсудилъ я отдѣлаться отъ внимательныхъ спекуляторовъ Европейскою учтивостью, и завѣрилъ ихъ, что въ продолженіе моего жительства въ Астрахани, не премину быть покупщикомъ ихъ товара.

Увѣреніе это не произвело на нихъ никакого впечатленія. Хладнокровно смотрятъ они на приходящихъ къ нимъ закупщиковъ и равнодушно разстаются съ ними. Я засталъ ихъ въ этомъ положеніи на другой день при входѣ и выходѣ посѣтителей. Не менѣе удивило меня благоразумное обхожденіе ихъ съ ними. Показывая товары, они не имѣютъ привычки завѣрять доброту ихъ, хвалиться снисхожденіемъ въ уступкѣ цѣны или убѣждать за какую купили сами. Ни мало не оскорбляются, если унижаютъ въ виду ихъ цѣнность издѣлія и хладно-

кровно выслушиваютъ о добротѣ его или непрочности мнѣніе. Первый запросъ на вещи не измѣненъ у персіянина въ каждомъ случаѣ. Онъ ни когда не ропщетъ на не сбытъ ихъ и ни когда не рѣшится понизить имъ цѣну.

Общество Персіянъ, занимающее дворъ состоитъ не болѣе изъ 70-ти лицъ. Тѣ изъ нихъ, которые съ давняго времени начали вывозить въ Астрахань изъ персидскихъ провинцій на морскихъ купеческихъ судахъ разнаго рода шелковые товары, по составленіи значительныхъ капиталовъ, предвидя ощутительную пользу отъ торговли причислены, пожеланію ихъ, въ тамошнее общество. Они соотвѣтственно гилдіямъ платятъ съ объявленныхъ капиталовъ процентные деньги и съ пріобрѣтеніемъ гражданскаго права, могутъ заниматься каждаго рода промышленностію на правахъ купеческихъ. Многіе изъ нихъ, по привозѣ изъ Персіи на значительную сумму товаровъ перепродаютъ своимъ соотчичамъ и пробывъ въ городѣ по дѣламъ своимъ, сколько каждому купцу позволяютъ обстоятельства возвращаются въ свою отчизну. Они называются гостями. Эти гости принимаютъ на себя обязанность изъ предстоящихъ выгодъ выполнять для Астраханскихъ персіянъ препорученія на закупки въ разныхъ персидскихъ городахъ товаровъ; расплачиваться вмѣсто ихъ съ продавцами наличною суммою и замѣнять ее различнаго рода сдѣлками. Нѣкоторые имѣютъ прикащиковъ, которые по препорученію своихъ хозяевъ, живутъ въ Бакѣ, Дербентѣ и прочихъ городахъ по году, закупаютъ впродолженіе этого времени товары и по возвращеніи въ Астрахань отдаютъ отчеты своимъ довѣрителямъ.

Успѣхъ ихъ торговли зависитъ навсегда отъ благопріятствующаго времени. Если въ Персіи или и въ самой Астрахани не существуетъ зараза, то всѣ шелковыя матеріи могутъ получать они въ короткое время изъ карантиннаго очищенія, а по заплатѣ въ таможню пошлинъ перевезти въ складочныя мѣста и свободно заниматься продажею ихъ; но когда чума свирѣпствуетъ въ сильной степени и издѣлія ихъ находятся въ окуркѣ по шести недѣль, то въ это продолжительное время нѣжныя ткани, въ особенности шелкъ, подвергнувшись отъ газа порчѣ, съ одной стороны вводитъ ихъ въ потерю, съ другой, приостанавливаетъ ходъ торговаго оборота; но эту потерю вознаграждаютъ разчетливые Персіяне возвышеніемъ цѣнъ на ихъ издѣлія.

Нѣкоторые изъ нихъ торгуютъ ими на Нижегородской ярмаркѣ, другіе продаютъ ихъ оптомъ Астраханскимъ армянамъ, а большая часть Персіянъ занимается въ Астрахани штуковою продажею. Изъ всѣхъ вещей, шали ихъ и ковры отличаются отъ Европейскихъ издѣлій не только добротою, но и отблескомъ разноцвѣтной игривости. Часто случается, что за шаль перваго сорта берутъ они по двѣ и по три тысячи рублей, а за лучшій коверъ по 2,000 рублей; но штука бурмети, на подобіе нашей напки, въ 16 и 17-ть аршинъ длиною, а въ ¾ ширины стоитъ 8 рублей мѣди; кусокъ ладжи (полушелковой ткани) длиною въ 15 аршинъ, а шириною въ ½ ар. 35 руб. простыя же ткани малоцѣнны и въ сравненіи съ Русскими столь дешевы, что каждой Европеецъ удивится и не сочтетъ за вѣроятное, чтобы

Персидскіе мануфактуристы приобрѣтали отъ занятій своихъ какую либо выгоду.

Изъ доставляемыхъ ими древесныхъ плодовъ, свѣжіе продаютъ только гранатки (*), а инжиръ, шепталу и курегу сушеные на вѣсъ и за умѣренную цѣну. Можно было замѣтить, что на выгоду тѣхъ произведеній Персіяне не обращаютъ особеннаго вниманія и всегда стираются продавать ихъ оптомъ Армянамъ, которые большую часть перепродаютъ на Нижегородской ярмаркѣ, а меньшую по мѣлочи въ самомъ городѣ.

Живущіе въ Астрахани Персіяне Магометанскаго вѣроисповѣданія. Они чтутъ алкоранъ, какъ большая часть восточныхъ народовъ, исключая идолопоклонниковъ. Строгіе блюстители своей Религіи и не пристрастны къ изслѣдованію другихъ вѣроисповѣданій.— Вставъ рано утромъ, они, по обыкновенію своему, не принимаясь ни за какое дѣло обмоютъ сперва изъ кувшина холодною водою всѣ члены своего тѣла, исключая спины; напослѣдокъ, въ зимнее время на нарахъ въ своей комнатѣ, а въ лѣтнее на дворѣ или на крыльцѣ постелятъ на землѣ коверъ, на которомъ поджавъ ноги читаютъ шептомъ молитвы; съ благоговѣніемъ приподнимаютъ руки къ Небу и дѣлаютъ земные поклоны (**).— Въ продолженіе этого времени, они не только невнимательны ни къ какимъ предметамъ, но даже не обратятъ взоровъ своихъ на по-

(*) Гранатокъ сотня стоитъ 10 руб. мѣди, пудъ инжиру 8 руб., а куряги и шепталы по 6 руб.

(**) Этотъ обрядъ соблюдаютъ они и по закатѣ солнца, безъ всякой отмѣны.

сторонняго человѣка, отъ котораго могли бы получить вящщую пользу. Такъ мысли ихъ и чувства устремляются къ Вездѣсущему, ниспосылающему намъ обильные свои дары.

По окончаніи молитвъ пьютъ они щербетъ, любимой ими напитокъ, употребляемый въ мѣсто чаю или кофе, а потомъ занимаются продажею товаровъ; если же нѣтъ покупщиковъ, то курятъ табакъ изъ кальяна, или перебирая безпрерывцо четки, читаютъ шепотомъ молитвы. Къ обѣду и ужину наемная прислуга изъ ихъ же націи приготовляетъ имъ кушанье на Азіятскій вкусъ. Они также, какъ и Армяне любятъ до чрезмѣрности жареную на щышлыкѣ баранину, называемую ими кабафъ, плэвъ изъ сарочинскаго пшена съ курятиною, а чаще всего бараній супъ съ какою нибудь зеленью; никогда за столомъ не употребляютъ горячихъ напитковъ, умѣренны въ ѣдѣ, но пристрастны къ лакомству; инжиръ, изюмъ и прочія сласти употребляютъ Персіяне вмѣсто десерта. Во время обѣда ужина или завтрака принимаютъ съ вѣжливостію пришедшаго къ нимъ человѣка, угощаютъ его своими яствами и при отходѣ имѣютъ обыкновеніе надѣлять закусками; — но эта благоразположенность оказывается, по большой части, тѣмъ лицамъ, которые имѣли съ ними связи по торговымъ сношеніямъ, или въ коихъ они имѣютъ надобность для соблюденія будущихъ выгодъ. Во время же поста (рамазанъ) прекращаютъ свою торговлю и не имѣютъ никакого сообщенія съ посторонними людьми.

Они почитаютъ также за величайшій грѣхъ ѣсть вареное мясо и даже разнаго рода кушанье, приго-

товленное Христіаниномъ. Никогда не покупаютъ у нихъ говядины или баранины и на предметъ этотъ имѣютъ своихъ мясниковъ, убивающихъ животныхъ для ихъ продовольствія. Съ презрѣніемъ смотрятъ на людей, употребляющихъ въ пищу свинину и при входѣ въ комнату къ иновѣрцу не могутъ вытерпѣть запаха ея. Тщательно стараются избѣгать знакомства приверженцевъ этой пищи и оскорбительной насмѣшки надъ ихъ обыкновеніями. Не любятъ разсуждать съ Христіанами о своей религіи и каждой вопросъ о ней оставляютъ безъ вниманія.

Постоянство ихъ характера обнаруживается болѣе при торговыхъ съ купцами сношеніяхъ. Замѣтивъ, что покупщикъ или продавецъ товара, подъ разными предлогами измѣняетъ свое обѣщаніе, Персъ, безъ распрей окончитъ съ нимъ разсчетъ съ потерею собственности и послѣ того, никогда уже не вступитъ съ нимъ въ торговыя связи. Каждой изъ нихъ гнушается лжи и вѣренъ въ исполненіи даннаго слова. Изъ устъ его никогда не услышишъ лести, свойственной хитрому человѣку, онъ чуждъ подобострастія, смѣлъ въ обращеніи, съ живостію объясняетъ свою надобность и не способенъ ни къ какому притворству словомъ сказать: въ чертахъ лица его примѣтны; величавость и благородство души.

Не имѣя обыкновенія изъ отчизны своей вывозить въ Астрахань женъ и дѣтей, Персіяне, въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ отправляются одинъ разъ въ Персію для свиданія съ своими семействами. Въ это время остаются торговать въ ихъ лавкахъ родственники. а иногда и прикащики. Въ общественномъ ихъ домѣ нѣтъ ни одной женщины и всю домашнюю ра-

боту исправляютъ наемные Татары. Этотъ строгой образъ жизни невольнымъ образомъ заставляетъ каждаго подумать, что они не пристрастны къ сладострастію и свято чтутъ супружескіе обѣты; но не входя въ изслѣдованіе предосудительныхъ поступковъ, надобно сказать, что Персіяне на содержаніе семействъ своихъ высылаютъ въ родину достаточныя суммы и никогда не доводятъ престарѣлыхъ своихъ родителей до нищеты; Почитаютъ священнѣйшею обязанностію жертвовать для нихъ всѣмъ своимъ имуществомъ, съ усердіемъ исполнять ихъ волю и быть благодарными за ихъ попеченія.

Въ лѣтнее время имѣютъ обыкновеніе выѣзжать въ сады на цѣлой день. Выбравъ себѣ прохладное мѣсто подъ тѣнію вѣтвистаго дерева и приготовивъ вкусныя явства, вѣжливые персіяне въ безмолвной тишинѣ насыщаются ими съ такимъ дружескимъ расположеніемъ, какъ чадолюбивый отецъ за трапезой въ кругу любезнаго своего семейства. Скромную эту бесѣду всегда охраняетъ по просьбѣ ихъ радужной садоводецъ и не допускаетъ къ ней постороннихъ людей для нарушенія спокойствія. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, иные по пристрастію своему занимаются шахматною игрою, другіе играютъ на Азіятской балалайкѣ, а прочіе подпѣваютъ пѣсни, и съ такою тихостію, что напѣвъ ихъ едва услышишъ за нѣсколько саженъ. Его протяжный звукъ, соотвѣтствующій положенію любимцевъ уединенія наводитъ болѣе скуки, нежели удовольствія. Всего занимательнѣе видѣть уклончивость ихъ отъ сообщенія съ иновѣрцами и постигнуть настоящую тому причину. Она, по мнѣнію моему, заключается въ основномъ ихъ

характерѣ, которой не имѣетъ наклонности заводить излишнихъ разговоровъ, не терпитъ шуму и не любитъ видѣть несогласія. Персы, замѣтивъ, что прочіе Азіятцы на гульбищахъ предаются Бахусу, а при играхъ и пляскахъ безпрерывно кричатъ предпочли уединеніе безпокойной бесѣдѣ.

Разсматривая отдѣльно характеръ Персіянъ, можно было замѣтить, что они отъ природы имѣютъ отличныя способности къ наукамъ, но отъ упражненія ими отвлекаетъ ихъ торговля, тѣсно соединенная съ ихъ пользою. Впрочемъ, отъ сообщенія съ разноплеменными народами научаются они практически объясняться на армянскомъ, грузинскомъ и Индійскомъ языкахъ, но на Русскомъ не соблюдаютъ во многихъ рѣченіяхъ правильности; природные россіяне съ трудомъ понимаютъ ихъ объясненія и часто ведутъ съ ними переговоры чрезъ переводчиковъ. Эти люди служатъ имъ вмѣсто еврейскихъ факторовъ. Они узнаютъ ото всѣхъ торговцевъ цѣнность товаровъ, курсъ звонкой монеты, ассигнацій, входятъ въ сношеніе торговыхъ и займообразныхъ сдѣлокъ и объясняютъ имъ выдаваемыя изъ таможни свидѣтельства на вывозъ товаровъ, съ повѣркою взысканныхъ по тарифу пошлинъ; словомъ сказать: во всѣхъ отношеніяхъ не упускаютъ изъ виду пользу довѣрителей, которые при исправныхъ расчетахъ не теряютъ своихъ капиталовъ и всегда въ уваженіи у прочихъ коммерсантовъ.

Во время только праздниковъ (байрамовъ), Персіяне имѣютъ обыкновеніе приглашать къ себѣ въ гости знакомцевъ своихъ и угощать ихъ яствами или напитками, сообразно вкусу каждаго посѣтителя.

Въ ихъ компаніи магометане послѣ обѣда съ удовольствіемъ пьютъ щербетъ, армяне на равнѣ съ русскими чай или пуншъ, а индійцы кофе. Приверженцы къ табаку бесѣдуютъ за кальяномъ, а любители бостонной игры за шахматами. Въ то время, персіяне дѣлаются словоохотнѣе и разсказываютъ знатокамъ ихъ языка о богатствѣ своего отечества съ такою пріятностію, что всякой слушатель остается доволенъ подробнымъ объясненіемъ каждаго предмета. Эти чувствованія, безъ сомнѣнія, возраждаются у нихъ отъ любви къ роднѣ, съ которою они разлучаются изъ корысти, свойственной торговцамъ. Не льзя не отдать имъ *должной справедливости* и въ знаніи утонченнаго общежитія. Они первымъ правиломъ почитаютъ снискивать довѣренность почетныхъ особъ и пользоваться ихъ благорасположеніемъ Многіе изъ вѣжливости удостоиваютъ ихъ праздники посѣщеніями, и эта оказанная имъ честь дѣлается предметомъ общаго въ городѣ разговора въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

Занимательнѣе же всего видѣть, какъ они до наступленія байрама обязаны исправлять правила алкорана, относительно чистоплотности.

Не имѣя особенной бани по примѣру соотчичей своихъ Астраханскіе Персіяне нанимаютъ ее всегда на таковой случай у Татаръ, живущихъ въ слободкѣ за канавою. Въ назначенный день выйдутъ они на крыльцо и дожидаются, когда взлезетъ Муэзсынъ на крышу мечети и будетъ оповѣщать магометанъ о готовности ихъ чистилища; и лишь только первый отголосокъ дойдетъ до ушей ихъ, то въ ту же минуту, прислуга договоритъ имъ нѣсколько экипажей, на

которыхъ оии отправятся въ баню, со всѣми для ея приготовлепіями. По пріѣздѣ въ которую служители раздѣнутъ ихъ въ особой компатѣ и одѣвъ въ бѣлыя простыни вводятъ каждаго въ теплый передбанникъ, скидаютъ съ нихъ покрывала и по очереди кладутъ па мраморную доску, на которой вытрутъ сперва все тѣло мазью называемою па ихъ языкѣ Нуре. Она составляется изъ извести и желтаго арсеника или заячьей капусты. Отъ этого состава волосистыя части тѣла въ нѣсколько минутъ сдѣлаются гладки, какъ ладонь. Послѣ этого два банщика перекладываютъ каждаго на другую доску и начнутъ на пей мять, вытягивать, жать и расправлять всѣ части тѣла, всѣ составы. Между тѣмъ, какъ двое трудятся надъ однимъ, третій безпрестанно льетъ па него теплую воду; напослѣдокъ ловкой и расторопной банщикъ надѣвъ на руку волосяную рукавицу пачинаетъ ею тереть Персіянина и сдираетъ съ него кожу слоями, наподобіе смоченыхъ лоскутовъ бумаги. Эту двухъ часовую операцію называютъ они Тимаръ-Кердепъ, т: е: скрести или производить соскребаніе. Для прикрасы имѣютъ они обыкновеніе въ этой же бани выкрашивать свои волосы въ черный цвѣтъ, посредствомъ краски, составляемой изъ листьевъ дерева индиго; а иные обсыпавъ ихъ порошкомъ Генне преобратитъ въ красный цвѣтъ. По выходѣ изъ бани въ чистую комнату, въ полномъ одѣяніи сядутъ на нары, устланные коврами и примутся курить трубки или кальянъ (наргеле), пить кофе и вести какой нибудь любопытный разговоръ часа по четыре.

Возвратясь въ общественный домъ, каждый изъ нихъ въ своей компатѣ почитаетъ священною обязан-

ностію до обѣда вычитать молитвы, а послѣ отдыха заниматься коммерціею.

Не смотря на сухощавое тѣлосложеніе Персіянъ, они довольно крѣпкосильны, ловки и искусные наѣздники. Росту высокаго, окладъ лица имѣютъ продолговатой, носъ орлиный, а волосы, по большей части черные, которые цвѣту загорѣвшагося отъ солнца лица, придаютъ нѣсколько бѣлизны; богачи носятъ полукафтаньи изъ лучшаго синяго сукна, бешмети изъ шелковой матеріи, подбитоыя ватою; нижнее платье изъ ладжи, а на ноги надѣваютъ остроносыя туфли на высокихъ коблучкахъ; во все время года голову покрываютъ высокими изъ черныхъ мерлушекъ шапками, покрой коихъ похожъ на стоячіе колпаки; въ зимнее же время одѣваются въ лучшіе полушубочки, покрытые сукномъ; на противъ того, посредственнаго состоянія Персіяне такого же покроя носятъ полукафтанчики изъ толстаго полусуконья, похожаго на Латышское сукно, а бешмети, подбитыя ватою шьютъ всегда изъ бурмети; прочее же одѣяніе ихъ не имѣетъ никакой отмѣны.

Языкъ ихъ въ выраженіяхъ противу татарскаго довольно гибкій, деликатный и даже способный къ объясненію остроумія, замысловатости и игривыхъ предметовъ; фигура буквъ ихъ похожа на Арабское письмо. Пишутъ по примѣру восточныхъ народовъ отъ правой руки къ лѣвой. Вмѣсто словесности любятъ заниматься въ дружескихъ бесѣдахъ обсуживаніемъ разнородныхъ предметовъ, а при расположеніи

духа пѣть національныя пѣсни. Ихъ единообразная жизнь покажется для Европейцевъ, привыкшихъ послѣ трудовъ наслаждаться различнаго рода удовольствіями, слишкомъ утомительною.

КОНЕЦЪ.